

Вдовствующая императрица, женщина, чья власть была безгранична, как и ее скорбь, была обвинена в страшном преступлении. Она, говорят, отравила свою супругу, юную девушку по имени Хан Оуджо, которая была всего лишь женой третьего ранга. Хан Оуджо, дочь могущественного вассала, ждала ребенка, когда ее жизнь оборвалась. Обвинение пало на плечи служанки Хан Оуджо, которая, якобы, подбросила яд в сундук своей госпожи. Но истина, как часто бывает, скрывалась за завесой лжи. Когё, бывшая придворная дама, знала правду. Она видела, как служанку подкупили, как ее заставили подбросить яд, чтобы оклеветать Хан Оуджо. Когё, сама жертва интриг дворца, была вынуждена молчать, ее голос был удушен страхом за свою семью. Она не могла спасти Хан Оуджо, но сохранила память о ней в своем сердце, в своих письменах. Дзюсэцу, женщина, обладающая даром видеть то, что скрыто от других, оказалась втянутой в эту историю. Она обнаружила серьгу, в которой таился дух Хан Оуджо, дух, жаждущий справедливости. Сердце Дзюсэцу сжалось от сочувствия к несчастной девушке, чья жизнь была отнята в расцвете сил. — Я тоже сделала так, как мне велел евнух, — призналась Когё, ее голос дрожал, как осенний лист на ветру. — Он угрожал убийством моей семьи. Я позволила Хан Оуджо умереть, ничего даже не сделав, чтобы ей помочь. — Э? — Дзюсэцу не могла понять, почему Когё считает ее союзницей Хан Оуджо. — Я научилась писать, чтобы однажды все же рассказать правду, — продолжила Когё, ее глаза были полны отчаяния. — Если у вас эта серьга, значит, вы союзники госпожи Хан. Дзюсэцу объяснила, что серьгу нашел Коушун, человек, обладающий даром видеть духов. Когё побледнела, услышав слово «призрак». — Это дух госпожи Хан? — прошептала она, ее голос был тих, как шепот ветра. — Если серьга принадлежала ей, то вполне вероятно, — Дзюсэцу протянула руку с сережкой. — Эта серьга принадлежала госпоже Хан. Я отлично ее помню. Но она была одна. — Одна? — Когё нахмурилась, словно пытаясь вспомнить что-то важное. — Да, только одна, но Няньян всегда ее носила, — пояснила Дзюсэцу. «Няньян» — так она называла Хан Оуджо. Когё, погруженная в воспоминания, будто бы перенеслась в прошлое. Она рассказала о Хан Оуджо, о ее добром сердце, о том, как она помогала Когё, когда та была юной служанкой, затерянной среди придворных дам из знатных семей. — Она мне однажды рассказала, — продолжала Когё, ее голос был полон горечи. — Что отдала одну сережку своему жениху из родного города. — Жениху?.. — Дзюсэцу не могла поверить своим ушам. — Няньян была помолвлена с детства, — поведала Когё, — но ее отец, гражданский чиновник, заставил ее пойти во дворец. Няньян отдала одну серьгу своему жениху и пришла сюда. И когда касалась этой серьги, вспоминала его. Няньян нельзя было назвать ярким и жизнерадостным человеком, но она была доброй. Когё, перебирая кисточкой по бумаге, рассказала о том, как Хан Оуджо отдала свою серьгу плачущему ребенку во дворце. Она верила, что этот ребенок стал свидетелем доброты Няньян, что он сможет подтвердить ее невиновность. — Раз у вас есть ее сережка, я подумала, что вы, должно быть, и есть тот ребенок, или знали ее, — сказала Когё, ее голос был тих, но полон надежды. — Тогда бы вы знали, что Няньян невиновна. Когё отложила кисточку, ее дыхание стало прерывистым. Дзюсэцу положила руку ей на лоб. Он был горячим. — Ясно. Отдыхай, — сказала Дзюсэцу, но Когё вновь взялась за кисть и быстро что-то написала. — Няньян не просто ложно обвинили. Ее убили. Ее убили евнухи. Прошу, покарайте их. Я тоже готова понести наказание. Написав это, Когё потеряла сознание. Дзюсэцу положила ее на кровать, написала список трав и отдала его Онкею. — Передай лекарю, чтобы подготовил эти травы, — сказала Дзюсэцу. Онкей взял листок и тут же вышел из комнаты. Дзюсэцу попросила ДзюДзю присмотреть за Когё, а сама вернулась в свою комнату. Она положила серьгу на стол и стала пристально ее рассматривать. — Няньян не просто ложно обвинили. Ее убили, — повторила Дзюсэцу, ее голос был полон скорби. Не потому ли Хан Оуджо стала призрак, который вселился в эту серьгу? И кому она отдала свою серьгу? Должно быть, они ее обронули. Если это произошло во дворце, возможно, они еще здесь. Может, это старая прислужница или даже евнух, которые были здесь еще при прошлом императоре?.. Дзюсэцу приложила руку к виску. Что же ей делать? Хотя она в любом случае обязана сообщить обо всем Коушуну. Дзюсэцу погладила сережку. Если бы она избавила Хан Оуджо от сожалений,

была бы та довольна и свободна? Или наоборот, даже если она сделает все необходимое, придется проводить обряд изгнания? Дзюсэцу взяла серьгу в руку и потрясла ее перед глазами.

<http://tl.rulate.ru/book/80038/2926239>